

Н.Н. Подосокорский

ЧТО ТАКОЕ «КАРАМАЗОВЩИНА»?

В 90-х годах XIX века Василий Розанов заявил, что роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» «есть новое и удивительное явление во всемирной литературе, есть одно из глубочайших слов, подуманных человеком о себе».

В только что процитированном предисловии Розанова впервые обобщено: «Карамазовщина — это название все более и более становится столь же нарицательным и употребительным, как ранее его возникшее «обломовщина», в последнем думали видеть определение русского национального характера, но вот оказывается, что он определяется и в «карамазовщине»... «карамазовщина» — это уродливость и муки, когда законы повседневной жизни сняты с человека, новых он ещё не нашел, но, в жажде найти их, испытывает движение во все стороны, чтобы из самого страдания своего в момент нарушения истинных священных заветов — найти, наконец, эти последние и подчиниться им».

Эта «жажда найти законы повседневной жизни» для многих людей утолялась верой в Бога. В. Соловьев в «Трех речах о Достоевском» назовет Федора Михайловича «пророком» всемирной христианской миссии русского народа, «вождем человечества».

Тема веры является, на наш взгляд, центральной в «Братьях Карамазовых». Эпиграфом к роману служат слова из Евангелия от Иоанна о миссии пшеничного зерна. Алеша Карамазов, являющийся также центральной фигу-

рой в романе (именно о нем говорит Достоевский в начале и именно словами Алеши заканчивается роман в конце), находит средство от мучительной «жажды», про которую писал Розанов, в беседах и поучениях старца Зосимы, человека, свято преданного заветам христианства. Наконец, дуэт Ивана Карамазова и Смердякова, противопоставляющий вере — неверие (откровенный атеизм), является показательным моментом поиска «истинных священных заветов» в жизни.

Однако взгляды на последний, итоговый роман Достоевского далеко не были однозначными.

Критик М.А. Антонович видел в «Братьях Карамазовых» лишь «трактат в лицах», не желая признавать в нем роман: «Мы признаем в нем весьма мало художественности, гораздо меньше, чем было ее в прежних произведениях Достоевского».

Советский критик Борис Рюриков полагал, что роман имеет строго социальную окраску. Он считал, что главная идея романа — изображение распада буржуазно-демократического общества через разложение отдельно взятой семьи, выбранной Достоевским. Термин «карамазовщина» при этом приобретает довольно нехороший оттенок значения. Б.С. Рюриков в этом соглашается с В.И. Лениным и приводит цитату из собрания сочинений последнего.

Бывший вождь и учитель советского народа, оставивший после себя объемные сочинения, во многом направлявшие мысль советского человека долгие десятилетия, приравнял «карамазовщину» к «мещанству», обывательщине. Идеал «мещанства» — благополучное существование, удовлетворение мелкособственнических интересов, становление на первый план собственного Я с отрицанием каких-либо нравственных ограничений. Такое видение «карамазовщины» было широко распространено довольно длительное время.

Ленин полностью отрицал в «карамазовщине» проявление русского национального характера. Он замечал М. Горькому: «...Вы изволили очень верно сказать про душу — только не «русскую» надо бы говорить...» Теперь сложно говорить об этом наверняка. Не вызывает сомне-

ний, что Достоевский, изображая ту или иную «карамазовскую» особенность, желал ей иногда придать общерусский характер — подтверждение этому можно найти в тексте романа. Однако насколько он хотел слить «карамазовщину» с русской душой и насколько хорошо у него получилось то, что он задумал, — об этом следует судить каждому читателю. Стоит упомянуть, что Федор Михайлович собирался закончить «Братьев Карамазовых», написать второй том романа, где, по-видимому, многое должно было проясниться. Но нам, читателям, предстоит делать собственные выводы и заключения из того, что мы имеем.

Что бы ни хотел показать Достоевский через «карамазовщину», обращает на себя внимание следующее обстоятельство: в романе не существует человека, Карамазова, который бы в полной мере был наделен всем тем, что Достоевский называет «карамазовским». «Карамазовщина» как бы растекается по действующим лицам романа, проявляя в каждой фигуре свои отдельные стороны. Французский критик Ж. Флери, выдвинувший три претензии к роману Достоевского (в пересказе М. Антоновича), замечает в романе «недостаток цельности и единства: каждый герой романа имеет свою теорию и воображает, что следует ей». Сам Федор Михайлович пишет, что братья Иван и Дмитрий — бесспорные носители «карамазовщины», «поставленные вместе один с другим, составляли, казалось, такую яркую противоположность как личности и характеры, что, может быть, нельзя бы было и придумать двух человек несходнее между собой». Мы думаем, что Достоевский и хотел разбросать черты созданного им «карамазовского» характера по всему роману, предоставив исследователям своего творчества право объединить их в одно целое, что называется «карамазовщиной».

По нашему мнению, «карамазовщина» включает в себя шесть компонентов, шесть черт, шесть неизвестных — это «карамазовские» мысль, вопрос, страсть, совесть, сила и размах. «Карамазовская мысль» обозначает суть «карамазовщины» — это существование между двумя безднами; «карамазовский вопрос» есть та самая «жажда найти законы повседневности», о чем писал В. Розанов; «карамазов-

ская страсть» символизирует грех, совесть — добродетель; сила является двигателем «карамазовского движения»; и добавочная составляющая — размах, которым Достоевский наделил все «карамазовские» стороны.

Мы попробуем рассмотреть эти шесть обозначенных нами неизвестных в отдельности, пояснив более подробно, что подразумеваем под ними.

«Карамазовская мысль»

В критике закрепилось понимание «Братьев Карамазовых» как романа о двух безднах в душе человека. Эти бездны обозначил прокурор Ипполит Кириллович, говоря в зале суда: «Мы натуры широкие, карамазовские, способные вмещать всевозможные противоположности и разом созерцать обе бездны, бездну над нами, бездну высших идеалов, и бездну под нами, бездну самого низшего и зловонного падения».

Карамазов, как носитель «карамазовщины», изначально находится между безднами, время от времени погружаясь то в одну, то в другую. Над нами — небо и Бог, под нами — земля и дьявол. Человек в этом промежутке пытается найти смысл жизни, те самые «законы повседневности». «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

«Карамазовская мысль», способная созерцать обе бездны, представляется нам тем началом «карамазовщины», после которого Карамазовы стоят перед необходимостью выбора, чему отдать предпочтение, бездне над нами или бездне под нами, идеалу содомскому или идеалу Мадонны.

«Карамазовский вопрос»

В разговоре с братом Иваном Алеша заметил: «Да, настоящим русским вопросы о том: есть ли Бог и есть ли бессмертие ... конечно, первые вопросы и прежде всего...» Вопрос веры и неверия является ключевым в романе.

Замечательный русский философ Алексей Лосев писал об атеизме: «Атеист говорит: “Исполни́й животные твои

потребности, ибо это цель твоей жизни". Отлично, пусть мы исполняем. Но эти потребности зависят от внешних обстоятельств. Сегодня я хотел чего-то, завтра все это удовольствие мне не нравится. К чему же в конце концов это ведет? Да к тому, что я, мечтавший сделаться свободным от Бога и религии, сделался бесхарактерным существом, вполне подчиненным явлениям внешнего мира. Где же та хваленая свобода? Где здесь правда?».

Позаимствуем изречение американского писателя Говарда Фаста, заменив фамилию лица, о котором говорится: «...И если сыскать образчик человеческого благородства не так-то просто, то убедительным примером его падения, во всяком случае, мог, бесспорно, служить» Павел Смердяков. Взяв на вооружение формулу «Если Бога нет, то все дескать позволено», Смердяков сделался тем «бесхарактерным существом», которое было задавлено повседневностью.

Атеисты, напрочь отвергнувшие Бога, как они сомневаются всю последующую жизнь... Смердяков не выдержал сомнений и повесился, последовав совету черта, посещавшего Ивана («Но колебания, но беспокойство, но борьба веры и неверия — это такая ведь иногда мука... что лучше повеситься»). Что же касается главного мыслителя «карамазовского вопроса» — Ивана Карамазова, то не случайно в эпилоге Митя говорит: «Слушай, брат Иван всех превзойдет. ... Он выздоровеет». Алеша осторожнее, но и его не покинула надежда: «И я тоже очень надеюсь, что он выздоровеет». Мы соглашаемся с предположением Владимира Кантора, что «тут речь у Достоевского идет не только о физическом здоровье».

В начале романа Федор Михайлович пишет: «Едва только он (Алеша), задумавшись серьезно, поразился убеждением, что бессмертие и Бог существуют, то сейчас же естественно сказал себе: "Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю". Точно так же, — заключает Достоевский, — если бы он решил, что бессмертия и Бога нет, то сейчас бы пошел в атеисты и социалисты». Напрашивается мысль, что Иван, родной брат Алеши по отцу и по матери, который пошел в атеисты, просто в

свое время несерьезно задумался над «карамазовским вопросом». «И заметьте, — говорит князь Мышкин в «Идиоте», — все это молодежь, то есть именно такой возраст, в котором всего легче и беззащитнее можно подпасть под извращение идей».

Однако создается впечатление, что к концу романа «карамазовский вопрос» утихает и вера все же побеждает неверие: Федор Павлович и Смердяков погибают, относительно Ивана теплится надежда о духовном выздоровлении и, наконец, старец Зосима и мальчик Илюшенька — разве они не есть те самые пшеничные зерна, которые, умерев, принесли много плода, плода веры.

«Карамазовская страсть»

Дмитрий Карамазов в своей «исповеди горячего сердца в стихах» читает Алеше стихотворение о смысле жизни:

Чтоб из низости душою
Мог подняться человек,
С древней матерью-землею
Он вступи в союз навек.

Далее он признается, что когда ему случалось погружаться в самый, самый глубокий позор разврата (а ему только это и случалось), то он всегда это стихотворение о человеке читал, рыдая читал, но тут же добавляет: «Исправляло оно меня? Никогда! Потому что я Карамазов. Потому что если уж полечу в бездну, то таки — прямо, головой вниз и вверх пятami, и даже доволен, что именно в унижительном таком положении падаю и считаю это для себя красотой». Эта ложная красота бездны под нами есть совокупность всех человеческих искушений.

Погружение в бездну под нами, бездну самого низшего и зловонного падения, обеспечивает атеизм, рожденный «карамазовским вопросом». «Проповедуя неверие, — пишет А.Ф. Лосев, — атеисты проповедуют бездумное пользование земными благами, безумный эгоизм и отчаянное веселие. Ведь по учению атеистов, основным правилом жизни, в сущности, является удовольствие как удовлетворение единственно законных потребностей чувственной

природы, которая только и признается атеистами в человеке».

Так, несерьезно задумавшись в «карамазовском вопросе» веры и неверия, Карамазовы отдают предпочтение бездне под нами и свойственной ей красоте с идеалом содомским. «Карамазовская страсть» сопутствует их безудержному падению в бездну под нами. «...И зажглись эти оба сердца самую безудержною, самую карамазовскою страстью», — пишет Достоевский о Федоре Павловиче и Дмитрии Карамазовых. Такою страстью, что отец готов был сына в тюрьму отправить, а сын отца — на тот свет. Стоит вспомнить вторую претензию Ж. Флери, обозначенную М. Антоновичем: «Все “лица” романа нарисованы строго и дышат реальностью, но все они как будто поражены какою-нибудь умственной болезнью, которая позволяет им видеть вещи только в одном направлении».

Эту умственную болезнь, позволяющую видеть вещи только в одном направлении, Достоевский именуется иногда «глупым дьяволом», который опутывает сознание и загуманивает разум. Мы назовем эту болезнь «карамазовскою страстью», существование которой определяется сомнениями относительно «карамазовского вопроса».

«Карамазовская совесть»

«Человек изначально предрасположен к добру, — говорит нам христианское вероучение, — и поддержать в себе все добрые стороны он способен, лишь обратившись к Богу».

Карамазовы, которые отдают предпочтение бездне под нами, временами одолевают этого «глупого дьявола», эту «умственную болезнь», эти «карамазовские страсти». В эти минуты своего пробуждения они и читают стихотворение о человеке, рыдая читают, и обращаются к Богу с утверждением: «Если у нас грех, неправда и искушение, то все равно есть на земле там-то, где-то святой и высший; у того зато правда, тот зато знает правду, значит не умирает она на земле, а, стало быть, когда-нибудь и к нам перейдет и воцарится по всей земле, как обещано».

«...Человек часто смеется над добрым и хорошим; это лишь от легкомыслия; но уверяю вас, господа, что как усмехнется, так тотчас же в сердце скажет: “Нет, это я дурно сделал, что усмехнулся, потому что над этим нельзя смеяться!”».

Пробуждение «карамазовской совести» призывает полюбить жизнь прежде смысла ее, прожить жизнь в счастье, «ибо для счастья созданы люди, и кто вполне счастлив, тот прямо удостоен сказать себе: “Я выполнил завет Божий на сей земле”».

«Карамазовская совесть» направлена в сторону бездны над нами так же, как «карамазовская страсть» — в сторону бездны под нами. Когда в Дмитриии Карамазове после всех его разнузданных бесчинств заговорила совесть, в этот момент «загорелось все сердце его и устремилось к какому-то свету» и он почувствовал, что «хочется ему жить и жить, идти и идти в какой-то путь к новому зовущему свету, и скорее, скорее, теперь же, сейчас!».

Вспышки «карамазовской совести» вывели Дмитрия за пределы собственного «карамазовского» Я, позволили ему обратиться к чужим бедам и напастям: «...и чувствует он еще, что подымается в сердце его какое-то никогда еще не бывалое в нем умиление, что плакать ему хочется, что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дитё, не плакала чёрная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого и чтобы сейчас же, сейчас же это сделать, не отлагая и несмотря ни на что, со всем безудержем карамазовским».

Наконец, «карамазовская совесть» приводит к вере в Бога: «Россию люблю, Алексей, — говорит Дмитрий, — русского Бога люблю, хоть я сам и подлец».

Состыковка карамазовских страсти и совести является той битвой, которую ведут Бог и дьявол в сердцах людей. Как верно заметил Ракитин: «Ощущение низости падения так же необходимо этим разнузданным, безудержным натурам, как и ощущение высшего благородства».

«Карамазовская сила»

Под «карамазовской силой» мы подразумеваем тот двигатель, который приводит в движение карамазовские взлёты и падения (причём чаще последние). Алёша Карамазов задумывается: «Тут “земляная карамазовская сила”, как отец Паисий намеренно выразился — земляная и неистовая, необделанная... Даже носится ли Дух Божий вверху этой силы — и того не знаю. Знаю только, что и сам я Карамазов».

Существование этой силы проговаривается и в разговоре брата Ивана с Алёшей:

«— Есть такая сила, что всё выдержит! — с холодной уже усмешкой проговорил Иван.

— Какая сила?

— Карамазовская... сила низости карамазовской.

— Это потонуть в разврате, задавить душу в растлении, да, да?

— Пожалуй, и это ... только до тридцати лет, может быть, и избегну, а там...

— Как же избежешь? Чем избежешь? Это невозможно с твоими мыслями.

— Опять-таки по-карамазовски».

Когда Карамазов падает в бездну под нами, погружаясь в позор самого неистового разврата, «карамазовская сила» обеспечивает его безудержное движение в этом направлении — «головой вниз и вверх пятами». Но когда пробуждается «карамазовская совесть» и происходит переоценка «карамазовского вопроса» в сторону веры в Бога и бессмертия, в это время «карамазовская сила» приобретает новое значение: из силы «низости карамазовской» появляется сила «карамазовского духа». «И кажется, — говорит брат Дмитрий, — столько во мне этой силы теперь, что я всё поборю, все страдания, только чтобы сказать и говорить себе поминутно: я есмь! В тысяче мук — я есмь, в пытке корчусь — но есмь! В столпе сижу, но и я существую, солнце вижу, а не вижу солнца, то знаю, что оно есть. А знать, что есть солнце — это уже вся жизнь». Так сила «карамазовского духа» с таким же безудержем подхватывает Карамазова и стремительно отправляет его в бездну над нами.

«Карамазовский размах»

Мы назвали «карамазовский размах» добавочной составляющей «карамазовщины». Этот размах и его неизменный спутник — безудерж присутствуют во всём «карамазовском».

Позволим себе процитировать стихотворение А.К. Толстого, которое, на наш взгляд, очень удачно передаёт суть «карамазовского размаха»:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой.

«Карамазовский размах» — это устремлённость к идеальному, цельному, безграничному.

Очень хорошо проявление этого размаха прослеживается в «карамазовском вопросе». Так, Алёше казалось даже странным и невозможным жить по-прежнему. Сказано: «Раздай всё и иди за Мной, если хочешь быть совершен». Алёша и сказал себе: «Не могу я отдать вместо “всего” два рубля, а вместо “иди за Мной” ходить лишь к обедне». А брату Ивану думалось, что раз Бога нет, значит всё позволено, а значит — чего стесняться. Этот последний тезис воспринял «тоже Карамазов» — лакей Павел Смердяков и он со свойственным всем Карамазовым безудержем показал на своём опыте, к чему могут привести подобные заблуждения.

«А всё-таки Карамазов для меня загадка», — говорит умный Коля Красоткин. Его изречение можно применить и к «карамазовщине», созданной Достоевским.

Мы осветили некоторые моменты, объясняющие, в нашем понимании, какие-то законы «карамазовского мира»,

«карамазовской души». Насколько следует отождествлять «карамазовщину» и русскую душу, судить не нам, так как над загадкой русской души бьются лучшие умы вот уже более тысячи лет, а над загадкой «карамазовщины» — более столетия. Но одно несомненно, что Фёдор Михайлович Достоевский — истинно русский человек, писал о русских людях и о родной стране. И сейчас, в наше трудное время, живо звучат слова старца Зосимы: «А Россию спасёт Господь, как спасал уже много раз. Из народа спасение выйдет...».